

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А.В. Апполонов

ПОНЯТИЕ “RELIGIO” У ЛУЦИЯ ЦЕЦИЛИЯ ФИРМИАНА ЛАКТАНЦИЯ

Апполонов Алексей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: alexeyapp@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как трактовал понятие “*religio*” раннехристианский мыслитель Луций Цецилий Фирмиан Лактанций (ок. 250 – ок. 325). Автор показывает, что Лактанций предложил новую, сравнительно с Античностью, интерпретацию этого понятия. Новизна выражалась прежде всего во введении особого интеллектуального измерения религии – мудрости (*sapientia*). Кроме того, Лактанций отказался от цicerоновской этимологии слова “*religio*” и предложил новую трактовку оппозиции “*religio – superstitio*”. Вместе с тем Лактанций сохранил и адаптировал античные (цицероновские) идеи связи *religio* с благочестием (*pietas*) и справедливостью (*iustitia*). Автор статьи отмечает также, что в трудах Лактанция обнаруживается оригинальная концепция религиозной природы человека, в рамках которой даже языческие религии описываются как несовершенное и нерелевантное, но все же исполнение «высшего долга (*officium*)» человека.

Ключевые слова: Лактанций, Цицерон, история философии, история религий, патристика, христианская теология, эвгемеризм

Тема генезиса и эволюции понятия “*religio*” с недавнего времени привлекает пристальное внимание историков философии, культурологов и религиоведов. Однако, несмотря на относительно большой объем литературы, посвященный этому вопросу¹, многие его аспекты пока еще не получили достаточного освещения. Это относится, в частности, и к трактовке термина “*religio*” в творчестве раннехристианского мыслителя Луция Цецилия Фирмиана Лактанция². Настоящая статья должна по мере возможности восполнить этот пробел.

¹ Можно упомянуть следующие работы: On the Concept of Religion. N. Y., 2000; Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. N. Y.; Oxf., 2000; Feil E. Religio. Bd. I–IV. Göttingen, 1986–2012; Nongbri B. Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven; L., 2013.

² На данный момент, насколько мне известно, есть только две работы, специально посвященные теме “*religio*” у Лактанция. Одна – это устаревшее к настоящему времени сочинение анонимного автора XVIII или XIX в., опубликованное в «Латинской патрологии» вместе с “Opera Omnia” самого Лактанция (*Anon. Disquisitiones dogmaticæ in Lactantium, sive de ejus*

Интерес Лактанция к понятию “religio” был обусловлен главным образом тем, что он, активно полемизируя с языческими верованиями, попытался представить в своих работах более или менее полный критический обзор «ложной» «религии богов» (“religio deorum”), а также языческой философии, которую он (иногда весьма пронципательно) связывал с языческой религией. Исследования, которые Лактанций проводил в этом направлении, необходимо предполагали переосмысление античного понимания термина “religio” и интерпретацию его в новом, христианском ключе, а также постановку вопросов о природе и происхождении религии.

Прежде всего, следует отметить, что в своих «Божественных установлениях» Лактанций отказался от известной этимологии Цицерона³, возведя “religio” к “religare” («связывать»): «Мы соединены и связаны (religati sumus) этими узами благочестия (pietas) с Богом, отчего и сама религия получила свое имя, а не от слова “перечитывая” (relegendo), как объяснял Цицерон»⁴. Несколькими строками ниже Лактанций развил эту мысль, предложив нечто вроде этимологически ориентированного определения религии: «Мы говорим, что имя религии происходит от тех уз благочестия (pietas), которыми Бог привязал (religaverit) к Себе человека, и мы должны служить Ему как Господину и почитать как Отца»⁵. Таким образом, религия – это то, что связывает человека и Бога «узами благочестия».

Кроме того, Лактанций подверг критике цицероновскую трактовку оппозиции “religio – superstitio”. С его точки зрения, если суеверие основывается на почитании богов в той же мере, в какой на нем основывается религия, то совершенно непонятно, почему, если человек молится о здоровье детей один раз в день, он совершает похвальное дело, относящееся к религии, а если десять раз – впадает в порочную суеверную практику. Лактанций подчеркивает, что если молитва хороша сама по себе, то несколько молитв никак не хуже одной. «Почему виноват и получает имя, достойное порицания тот, кто и детей своих больше любит, и богов достаточно чтит, а прославляется тот, кто делает это недостаточно?»⁶ – задает риторический вопрос Лактанций и отвечает на него новой этимологией слова “superstitio”. «Суеверными зовутся не те, кто молит, чтобы дети пережили их, ибо об этом мы все молим, но те, кто чтит хранимую память об умерших, или те, кто, пережив родителей своих, почитают их образы в своем доме словно домашних богов. Ведь те, кто создает для себя новые ритуалы, чтобы вместо

circa religionem sentendi et argumentandi rationes // *Patrologiae cursus completus: Series Latina*. Vol. VII. Parisiis, 1844. Cols. 1011–1186). Другая работа – небольшая по объему статья К.А. Спада (*Spada C.A. L'uso de religio e religiones nella polemica antipagana de Lattanzio // The Notion of “Religion” in Comparative Research: Selected Proceedings of the XVIth Congress of the International Association for the History of Religions (Rome, 3rd–8th September, 1990)*. Roma, 1994. P. 459–463). Впрочем, в контексте темы настоящей статьи можно отметить также диссертацию Л. Томаса, посвященную понятию “sapientia” у Лактанция, где вопрос о “religio” затрагивается достаточно глубоко (см.: *Thomas L. Die Sapientia als Schlüsselbegriff zu den Divinae institutiones des Laktanz, mit besonderer Berücksichtigung seiner Ethik*. Diss. Freiburg, 1959).

³ «Ибо те, которые целыми днями молились и приносили жертвы, чтобы их дети пережили их (superstiti sibi essent), те были названы суеверными (superstitiosi), позже это название приобрело более широкий смысл. А те, которые над всем, что относится к почитанию богов, усердно размышляли и как бы перечитывали (relegerent), были названы религиозными (religiosi)» (Цицерон. *Философские трактаты*. М., 1985. С. 124).

⁴ Лактанций. *Божественные установления* / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 2007. С. 296.

⁵ Там же. С. 297.

⁶ Там же.

богов почитать мертвых, которых они считают людьми, взятыми на небо, и зовутся суеверными. Тех же, кто почитает народных и древних богов, именуют религиозными людьми»⁷.

Сказанное, однако, относится к происхождению слова “superstitio”, но не к его подлинной сути. Конечно, пишет Лактанций, «почитатели богов» (deorum cultores) считают себя религиозными людьми (religiosos se putant), но на самом деле они «являются суеверными и не могут отличить религию от суеверия и понять [истинное] значение имен»⁸. Ссылаясь на известную теорию Эвгемера, Лактанций пишет: «Каких бы мы ни нашли древних богов, все они тем или иным образом причислены к богам после смерти» (и потому не отличаются от «новых богов», которым поклоняются те, кого язычники считают суеверными людьми)⁹. Итак, поскольку все боги язычников ненастоящие, то вопрос о существовании оппозиции “religio – superstitio” Лактанций решает в соответствии с установками своей христианской веры. Важно то, какого бога ты почитаешь, а не то, каким образом ты его почитаешь или молишься ему, – утверждает он. Религия, соответственно, есть культ истинного Бога, а суеверие – культ ложных богов. «Итак, – заключает Лактанций, – суеверные люди – те, кто чтит многих ложных богов, а мы – люди религиозные, потому что молимся одному и истинному Богу»¹⁰.

Таким образом, Лактанций отказался от этимологий Цицерона и переосмыслил его оппозицию “religio – superstitio”. Тем не менее он сохранил цецероновскую идею связи *religio* и *pietas* (благочестия). Как уже отмечалось выше, Лактанций считал, что Бог привязал (religaverit) к себе человека «узами благочестия» (*pietas*), из чего следовала принципиальная значимость благочестия для религии. Необходимо отметить, однако, что *pietas* приобретает у Лактанция специфическую трактовку: «Благочестие – это не что иное, как познание Бога» (*pietas autem nihil aliud est quam dei potio*)¹¹. Здесь мы видим еще одно принципиальное новшество Лактанция: его стремление соотнести (и даже объединить) религию с мудростью (*sapientia*). Собственно, это стремление является лейтмотивом его «Божественных установлений». Уже в самом начале своего трактата Лактанций писал о том, что хочет «тщательно изучить» человеческие заблуждения, «чтобы ученых направить к истинной мудрости, а неученых – к истинной религии»¹², потому что «никакая религия не может быть принята без мудрости и никакую мудрость нельзя обосновать без религии»¹³.

При этом Лактанций исходил из предположения, что «Бога надо сначала познать (*scire*) и лишь затем Ему поклоняться»¹⁴; поэтому мудрость логически предшествует религии, хотя реально они неотделимы друг от друга. «Итак, религия не может быть отделена от мудрости, равно как и наоборот. Ведь это один и тот же Бог, который должен и познаваться (*intelligi*) (что относится к мудрости), и почитаться (*honorari*) (что относится к религии)...

⁷ Лактанций. Указ. соч. С. 297.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 335. Подробнее о понятии “pietas” у Лактанция см.: Colot B. Pietas, argument et expression d’un nouveau lien socio-religieux dans le christianisme romain de Lactance // Studia Patristica. 2001. Vol. 34. P. 23–32.

¹² Лактанций. Указ. соч. С. 3.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 282.

Итак, смысл этих имен – один и тот же, хотя они и кажутся различными (в самом деле, одно относится знанию, другое – к действию). Но при этом они похожи на два ручья, берущих начало из одного истока. Источником же мудрости и религии является Бог... а тот, кто не знает Его, не может быть ни мудрым, ни религиозным (*religiosus*)»¹⁵.

Таким образом, мы видим, как происходит переосмысление понятия “*religio*” и как греко-римскую ортопраксию сменяет христианская ортодоксия. Отныне (и, вероятно, вплоть до XIX в.) западные мыслители будут представлять себе религию прежде всего как некое учение, включающее определенный набор положений, которые предлагается принимать на веру (по аналогии с Символом веры христианской церкви), причем сама вера будет интерпретироваться как своеобразный вид знания (постольку, поскольку вероучительные положения так или иначе воспринимаются человеческим разумом). Равным образом, происходит легитимация идеи, что верующие делятся на ученых и простецов (“*docti*” и “*indocti*” у Лактанция): первые могут (и даже должны в определенных случаях) искать и приводить в поддержку веры рациональные аргументы, а вторым следует принимать веру так, как она есть, и не мудрствовать без особых на то причин. Лактанций вполне понимал характер и масштаб этих изменений, к которым сам имел непосредственное отношение. Отмечая обрядовый характер старой античной религии, он следующим образом противопоставлял ей христианство – как «учение», обладающее определенным «теоретическим» содержанием: «Языческая религия (*religio deorum*) не может изложить своего учения (*ratio*), которого не имеет... Эта религия нема: не только потому, что немы ее боги, но и потому, что ее ритуал совершается руками и перстами, а не сердцем и речью, как в нашей истинной религии»¹⁶.

Итак, согласно Лактанцию, «и в мудрости заключена религия, и в религии – мудрость», потому что «нельзя ничего знать, не почитая истинного Бога»¹⁷. При этом Лактанций специально подчеркивает, что это почитание должно осуществляться не только благочестивым (в указанном выше смысле), но и *справедливым* образом, или, если дословно, «в справедливых и благочестивых культах» (*iustis ac piis cultibus*)¹⁸. Эта идея связи религии и справедливости, несомненно, была почерпнута Лактанцием у Цицерона. Например, мы можем видеть, что Лактанций во вполне цицероновском духе соединяет религию и справедливость в контексте воздаяния должного Богу: «Ясно, что жизни человеческой предложена только одна надежда: отбросив суету и жалкое заблуждение, познать Бога и служить Ему, отречься от этой временной жизни и привести себя через начатки справедливости (*rudimenta iustitiae*) к культу истинной религии (*ad cultum verae Religionis*). Ведь мы рождены с тем условием, чтобы оказывать справедливое и должное (*iusta et debita*) послушание Богу, который дает нам жизнь, одного Его знать и Ему одному следовать»¹⁹.

Кроме того, Лактанций безусловно принял ту цицероновскую (и шире – характерную для античной философии вообще) идею, что справедливость является главной добродетелью: он посвятил ей в своих «Божественных установлениях» целую книгу, в которой указывал в том числе, что «справед-

¹⁵ Лактанций. Указ. соч. С. 282.

¹⁶ *Lactantius. Opera Omnia. Pars I. Vindobonae, 1890. P. 279.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid. P. 388–389.*

ливость заключает в себе все добродетели»²⁰. При этом наибольший интерес у Лактанция вызывали две добродетели: равенство (aequitas), а также уже упомянутое выше благочестие. Таким образом, и в этом контексте справедливость оказывается связанной с религией – постольку, поскольку она связана с благочестием и (несколько парадоксальным образом – если учесть ее «главенство» над прочими добродетелями²¹) «питается от него»: «Благочестие и равенство являются как бы двумя венами ее [справедливости], ибо справедливость питается из этих двух источников. Благочестие является головой ее, а равенство – ее силой и итогом... Итак, благочестие есть постижение Бога, а итог этого постижения в том, чтобы почитать Его. Следовательно, тот не ведает справедливости, кто не держится религии [истинного] Бога. Ибо каким образом может знать справедливость тот, кто не знает, откуда она берет начало?»²².

Исходя из сказанного выше, можно в общих чертах представить тот понятийный горизонт, в котором Лактанций рассматривал религию. Собственно религия есть связь между истинным Богом и человеком. Эта связь как таковая – «узы благочестия», причем благочестие отождествляется со знанием истинного Бога. В силу данного обстоятельства в проблематику, связанную с религией, вводится новый (сравнительно с Античностью) элемент – мудрость, которая трактуется как своего рода интеллектуальное измерение религии, то есть религиозное учение. Наконец, к уже перечисленным ключевым понятиям добавляется еще одно – справедливость, которая обладает как бы двумя аспектами: с одной стороны, она связана с воздаянием должного Богу, а с другой – с добродетельным поведением человека вообще (и потому включает в себя все добродетели). Как таковая справедливость подпитывается неразрывно связанным с ней благочестием, поскольку тот, кто не следует истинной религии (не знает истинного Бога), не знает и истинной справедливости.

Эта картина, однако, останется неполной, если не представить обзор того, как Лактанций понимал «ложную религию», или «религию богов». В этом отношении прежде всего следует отметить, что Лактанций проявлял колебания в вопросе о происхождении нехристианских религий. В первой книге «Божественных установлений» он более или менее последовательно воспроизводит идеи Эвгемера, однако затем обращается к специфически христианскому представлению о том, что в возникновении и функционировании языческих культов важную (если не решающую) роль играют демоны²³. Тем не менее, на мой взгляд, Лактанций в общем и целом отдавал предпочтение эвгемеризму, поскольку не раз на протяжении трактата возвращался к теме обожествления правителей в контексте объяснения причин появления языческих религий. Более того, можно отметить, что, следуя за Эвгемером и его латин-

²⁰ Лактанций. Указ. соч. С. 335.

²¹ Лактанций объясняет этот парадокс тем, что равенство и благочестие не могут быть отделены от справедливости, тогда как «верность, умеренность, честность, невинность, непорочность и прочие подобные им [добродетели] могут благодаря природе или наставлениям родителей оказаться и у тех людей, которые [вовсе] не ведают справедливости, как [это] постоянно и было» (там же).

²² Там же.

²³ Демоны, «являясь губителями людей, хотят, чтобы им оказывалось почитание, а Богу не оказывалось»; «люди почитают их в своих пенах, ежедневно возливают им вино и чтят демонов будто земных богов»; «изобретениями демонов являются астрология, искусство гадания по животным и птицам, все то, что возвещают оракулы, некромантия, магическое искусство и все то, что влечет людей ко злу, тайно ли, явно ли» (там же. С. 158–160).

скими толкователями, автор «Божественных установлений» концентрирует свое внимание на мифологической истории греко-римского мира, оставляя библейскую историю несколько в стороне. Как пишет В.М. Тюленев: «Лактанций, увлеченный евгемерической трактовкой истории языческих богов, совсем забывает про Египет, оказавшийся вместе с Иудеей как бы вне созданной им эллиоцентричной картины истории»²⁴.

Как бы то ни было, историю возникновения язычества Лактанций представлял приблизительно следующим образом²⁵. Библия рассказывает о том, что Ной отверг и изгнал своего сына Хама; от этого последнего произошли хананеи, «первый народ, который не знал Бога, поскольку родоначальник и основатель его не принял культ Бога от отца, будучи им проклят»²⁶. Другие потомки Ноя стали называться евреями, и у них «сохранилась религия Божия». Тем не менее, когда число евреев умножилось, они в поисках новых территорий стали расселяться по всей земле, и некоторые произошедшие от них племена, «оторванные от побегов святого корня, установили себе новые нравы и правила»²⁷. Первыми из впавших в язычество потомков евреев, по мнению Лактанция, были египтяне, которые стали поклоняться небесным телам и элементам (а затем – вероятно, под влиянием демонов – разным животным и чудовищам). «Остальные же из тех, кто расселился по земле, удивляясь элементам мира, не создавая никаких изображений и храмов, почитали небо, солнце, землю, море, и приносили тем [элементам] жертвы на открытом месте, пока в ходе времен не соорудили храмы и не изваяли статуй могущественнейшим царям и пока не научились почитать их жертвоприношениями и благовониями. Так появились народы, отступившие от признания Бога»²⁸.

Историю греко-римских религий Лактанций начинает с «золотого века», когда царствовал человек по имени Сатурн, либо первый, либо второй (после Урана) правитель людей, которые были предками греков и римлян. «Золотой век» является для Лактанция золотым в том смысле, что истинная религия Ноя и его потомков тогда еще не подверглась забвению: «Ведь в царствование Сатурна, когда еще не были учреждены культы богов и когда народ сей еще не обратился к [ложному] мнению о божестве, Бог как бы то ни было почитался; поэтому не было ни раздоров, ни вражды, ни войн»²⁹. Сатурн сверг Юпитер, человек, который объявил себя богом. После его смерти на-

²⁴ Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. С. 77. Равным образом В.С. Соколов отмечал следующее обстоятельство: «Из сочинений Лактанция видно, что интерес его всегда был направлен на высказывания древних авторов по вопросам философии или космогонии, но не на биографию Христа, или историю христианского учения, хотя у него могло быть немало поводов для подобных экскурсов» (Соколов В.С. Историческая концепция Лактанция // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1963. С. 344).

²⁵ Как представляется, Лактанций хотел совместить библейскую историю и мифологическую историю греков и римлян. Насколько можно судить, получилось у него не слишком хорошо; отсюда происходят многочисленные двусмысленности и противоречия, встречающиеся в исторической части его «Божественных установлений». Как пишет В.М. Тюленев, «стремясь сопоставить на страницах своего апологетического трактата два подхода к объяснению сущности мира – христианский и языческий, – Лактанций не смог преодолеть дуализма и создает, по крайней мере, две основные исторические модели. Самостоятельность этих моделей, независимость их друг от друга прослеживаются на различных уровнях» (Тюленев В.М. Указ. соч. С. 50–51).

²⁶ Лактанций. Указ. соч. С. 156.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 157.

²⁹ *Lactantius*. Op. cit. P. 413–414.

род (то ли из благодарности и почтения, то ли из раболепия) превратил его в небожителя, воздвиг в его честь храмы и стал приносить ему жертвы. Общая картина, которую рисует Лактанций в этой связи, явно инспирирована Эвгемером: «Потом сами цари, когда стали дороги тем, жизнь чью они привели в порядок, смертью своей оставили по себе великую скорбь. И вот, люди изготовили их статуи, чтобы получить от созерцания их хоть некоторое утешение; и через любовь стали чтить память покойников... Так постепенно появились религии (sic paulatim religiones esse coeperunt), когда те первые [люди], которые тех [правителей] признали [за богов], приучили к тому своих детей и внуков, затем [это перешло] и к другим поколениям. И эти высшие цари вследствие известности имен почитались во всех провинциях»³⁰.

Сотворив себе богов и забыв истинную религию, люди утрачивают представления о добре и зле. «Золотой век» заканчивается: разрывается сама «связь человеческого сообщества» (foedus societatis humanae)³¹, гибнет всякая справедливость, люди начинают отбирать друг у друга имущество и поработать своих соплеменников. Интересно, что Лактанций возлагает ответственность за все эти трагические перемены на самих людей: «Источником всех эти злодеяний была алчность, которая, разумеется, выросла из презрения истинной святости»³². Мы не обнаруживаем у автора «Божественных установлений» ни обычных для христианских авторов ссылок на божественное провидение или попущение, ни упоминания о роли демонов в падении человека; сверхъестественные силы как бы остаются в стороне от происходящего, люди выступают как основные (если не единственные) виновники своих бедствий. Эта довольно необычная для христианского мыслителя IV в. позиция была обусловлена, с одной стороны, все тем же эвгемеризмом (который предполагал сугубо рациональные объяснения происхождения религии, исключавшие за ненадобностью любые отсылки к сверхъестественному), а с другой стороны, тем, что Лактанций, хотя и пытался совместить библейскую и греко-римскую исторические традиции, не смог (или не захотел) перенести на вторую некоторые основополагающие принципы первой.

Еще более интересным, впрочем, является то обстоятельство, что Лактанций постоянно акцентирует внимание на религиозной природе человека. Конечно, он исходит из обычного для христианской апологетики представления, что религиозным (то есть потенциально связанным с Богом) человек был сотворен самим Богом, и даже обратившись к земной религии «порочных и тленных богов»³³, люди все равно не могли полностью утратить внедренное в их природу стремление к небесам. Эта характерная христианская концепция, однако, обращается у Лактанция в *частичное*, но все же оправдание языческой религии: «Эти почитатели брэнного, сколь бы ни были они вздорны, – постольку, поскольку помещают небесное в тленные и земные вещи, – все же сохраняют в себе нечто от мудрости (sapientia) и могут быть прощены, ибо исполняют высший долг (officium) человека, хотя и не в реальности, а лишь в [своем] намерении: ведь единственное (или наибольшее) различие между людьми и бессловесными тварями заключается в религии (in religione)»³⁴. Последнюю идею Лактанций приписывает Цицерону, однако интересно, что Цицерон говорил не о религии, но о «каком-либо знании о

³⁰ Лактанций. Указ. соч. С. 76–77.

³¹ Lactantius. Op. cit. P. 416.

³² Лактанций. Указ. соч. С. 315.

³³ Там же. С. 237.

³⁴ Lactantius. Op. cit. P. 106.

Боге» (“notitia aliqua dei”), и Лактанций, соответственно, вольно или невольно перелагает его мысль на свой лад³⁵. Как представляется, эта неточность Лактанция, воспроизводящаяся, по меньшей мере, в двух местах его трактата, отнюдь не случайна. Когда он писал о религиозной природе человека, он подразумевал не только христианскую религию, но и «религию вообще»: «Итак, на основании согласия *всего человеческого рода* [курсив здесь и далее мой. – А.А.] ясно, что [человеку] необходимо иметь религию»³⁶. Поэтому сравнивая философов-безбожников и простых язычников, Лактанций утверждал: «Куда мудрее невежды, которые, даже если они и ошиблись в выборе религии, тем не менее, не забывают *о своей природе (natura) и своем состоянии (condicio)*»³⁷. Язычники, даже заблуждаясь, понимают, что «в вещах человеческих (in rebus humanis) нет ничего более важного, чем религия, и что ее надлежит защищать изо всех сил»³⁸. В связи с этим можно отметить, что отнесение религии к «вещам человеческим» в данном фрагменте резко контрастирует со словами Лактанция из первой главы «Божественных установлений» о том, что он собирается посвятить свой труд «религии и вещам божественным» (de religione rebusque divinis)³⁹. Как представляется, дело в том, что в последнем случае Лактанций имел в виду христианскую “religio Dei”, а говоря о язычниках, соответственно, языческую “religio deorum”. Если это действительно так, то мы наблюдаем здесь важный (возможно, первый в латинской христианской традиции) пример перевода некоторых религий в разряд «человеческих дел» при сохранении за ними формального названия «религия» (пусть даже при этом подразумевается, что в реальности они суть не религии, но суеверия).

В этой парадигме, как бы странно это ни выглядело на первый взгляд, наиболее «заблудшими» из греков и римлян оказываются мыслители вроде Эвгемера или Тита Лукреция Кара, идеи которых Лактанций активно использовал в полемике с языческой религией. Если простые язычники принимают ложные религии как истинные (falsas religiones pro veris habent), поскольку не способны понять, где истина, а где ложь, то те философы, которые познали ошибочность многобожия, либо полностью отвергают любую религию, либо лицемерно участвуют в народных культах, хотя сами ни во что не верят. «Но, – пишет Лактанций – это и есть самое большое заблуждение, когда под обликом человека воспроизводится жизнь животного»⁴⁰. Это – отступление от самой природы человека, которая является

³⁵ Лактанций приписывает (ibid. P. 612) Цицерону следующую фразу: “Nullum sit aliud animal quod habeat notitiam aliquam dei, religioque sit paene sola quae hominem discernat a mutis” («Никакое другое [кроме человека] живое существо не обладает каким-либо знанием о Боге, и религия – чуть ли не единственное, что отличает человека от бессловесных животных»), тогда как текст Цицерона из трактата «О законах» (Cicero. De legibus. Berolini, 1883. P. 25) выглядит следующим образом: “Nullum est animal praeter hominem quod habeat notitiam aliquam dei, ipsisque in hominibus nulla gens est neque tam mansueta neque tam fera, quae non, etiamsi ignoret qualem haberi deum deceat, tamen habendum sciat” («Ни у одного живого существа, кроме человека, нет никакого знания о боге, а среди самих людей нет такого народа, ни столь развитого, ни столь дикого, чтобы он, даже не ведая, кого следует считать богом, тем не менее, не знал бы, что [нечто] все же следует им считать»). Впрочем, в защиту Лактанция можно сказать, что для него термины “religio” и “notitia dei” по сути дела тождественны.

³⁶ Lactantius. Op. cit. P. 204.

³⁷ Ibid. P. 204.

³⁸ Ibid. P. 465.

³⁹ Ibid. P. 3.

⁴⁰ Лактанций. Указ. соч. С. 117.

религиозной, и потому «можно простить невежественных людей, которые не признают себя мудрыми; но нельзя оправдывать тех, кто, преподавая мудрость, проявляет скорее глупость»⁴¹.

В заключение хотелось бы отметить два существенных, на мой взгляд, обстоятельства. Во-первых, выстроенная Лактанцием оппозиция “religio Dei – religio deorum” способствовала формированию представления об особой «религии язычников». Несколько позже эта особая религия была концептуализирована в понятии “paganismus”, которое у самого Лактанция, насколько я могу судить, не встречается.

Во-вторых, примечательной чертой «Божественных установлений» Лактанция является то, что автор довольно редко использует ключевой для христианской теологии термин «вера» и (по крайней мере, эксплицитно) не связывает его с религией. Трудно сказать, чем обусловлено последнее обстоятельство, но, возможно, в данном отношении на Лактанция повлияла античная философская традиция, представители которой, говоря о религии или о богах, почти никогда не использовали понятие «вера» и предпочитали термины, связанные со знанием (см. выше о “notitia aliqua dei” у Цицерона). Сходным образом у Лактанция «благоочестие» (pietas), равно как и «мудрость» (sapientia), – это скорее знание Бога, нежели вера в него (поэтому как с первым, так и со второй обычно коррелируют термины, относящиеся к области знания и понимания, такие как “notitia”, “notio”, “cognitio”, “intellectus”, “intelligentia” и т. д.).

Таким образом, суммируя сказанное, можно сделать следующие выводы. В трактовке термина “religio” Лактанций значительно отклонился от предшествующей античной традиции. Во-первых, он предложил новую этимологию этого слова, возведя его к “religare” и, соответственно, к связи между человеком и Богом. Во-вторых, Лактанций обнаружил интеллектуальное измерение religio, концептуализировав его в понятии «мудрость» (“sapientia”). Кроме того, можно заметить, что он попытался развить и углубить античные представления о религиозной природе человека, став, вероятно, первым из западных христианских мыслителей, кто осознанно обратился к этой теме.

Список литературы

Лактанций. Божественные установления / Пер. с лат., вступ. статья и примеч. В.М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 512 с.

Соколов В.С. Историческая концепция Лактанция // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1963. С. 330–345.

Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Алетейя, 2000. 319 с.

Цицерон. Философские трактаты / Пер. с лат. и коммент. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985. 382 с.

Anon. Disquisitiones dogmaticae in Lactantium, sive de ejus circa religionem sentiendi et argumentandi rationes // Patrologiae cursus completus: Series Latina. Vol. VII. Parisiis: Minge, 1844. Cols. 1011–1186.

Cicero M.T. De legibus / Ex rec. I. Vahleni iterum ed. Berolini: apud F. Vahlenum, 1883. xxiv, 208 p.

Colot B. Pietas, argument et expression d’un nouveau lien socio-religieux dans le christianisme romain de Lactance // Studia Patristica. 2001. Vol. 34. P. 23–32.

⁴¹ Лактанций. Указ. соч. С. 116.

Feil E. *Religio*. Bd. I–IV. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986–2012.

Fitzgerald T. *The Ideology of Religious Studies*. N. Y.; Oxf.: Oxford University Press, 2000. xiv, 276 p.

Lactantius C.F.L. *Opera Omnia*. Pars I / Rec. S. Brandt. Vindoronae: F. Tempsky, 1890. cxviii, 761 p. (*Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vol. XIX)

Nongbri B. *Before Religion. A History of a Modern Concept*. New Haven; L.: Yale University Press, 2013. ix, 275 p.

On the Concept of Religion / Ed. by E. Feil. Albany (NY): State University of New York Press, 2000. 211 p.

Spada C.A. L'uso de religio e religiones nella polemica antipagana de Lattanzio // The Notion of "Religion" in Comparative Research: Selected Proceedings of the XVIth Congress of the International Association for the History of Religions (Rome, 3rd–8th September, 1990) / Ed. by U. Bianchi with cooperation of F. Mora and L. Bianchi. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 1994. P. 459–463.

Thomas L. *Die Sapientia als Schlüsselbegriff zu den Divinae institutiones des Laktanz, mit besonderer Berücksichtigung seiner Ethik*. Diss. Freiburg: 1959. 94 S.

The concept of "religio" according to Lucius Caecilius Firmianus Lactantius

Alexey V. Appolonov

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; email: alexeyapp@yandex.ru

The article deals with the concept of "religio" as interpreted by the early Christian writer Lucius Caecilius Firmianus Lactantius (c. 250 – c. 325). The author shows that Lactantius proposed an interpretation of this concept, which was novel compared to the one that existed in the Greek and Roman Antiquity. This novelty consists primarily in the introduction of a special intellectual dimension of religion – wisdom (sapientia). In addition, Lactantius renounced the Ciceronian etymology of the word "religio" and proposed a new interpretation of the opposition "religio – superstitio". Also, Lactantius preserved and adapted Roman (Ciceronian) ideas concerning the connection of *religio* with piety (pietas) and justice (iustitia). It can also be noted, that, in Lactantius's writings, one can find an original conception of the religious nature of man, according to which even pagan religions, described as imperfect and irrelevant, could still fulfill the "highest duty (officium)" of a human being.

Keywords: Lactantius, Cicero, history of philosophy, history of religions, patristics, Christian theology, euhemerism

References

Anon., "Disquisitiones dogmaticae in Lactantium, sive de ejus circa religionem sentendi et argumentandi rationes", *Patrologiae cursus completus: Series Latina*, Vol. VII. Parisiis: Minge, 1844, Cols. 1011–1186.

Brandt, S. (ed.) *Lactantius, Opera Omnia*, Pars I. Vindoronae: F. Tempsky, 1890. cxviii, 761 pp. (*Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vol. XIX)

Colot, B. "Pietas, argument et expression d'un nouveau lien socio-religieux dans le christianisme romain de Lactance", *Studia Patristica*, 2001, Vol. 34, pp. 23–32.

Feil, E. *Religio*, Bd. I–IV. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986–2012.

Feil, E. (ed.) *On the Concept of Religion*. Albany (NY): State University of New York Press, 2000. 211 pp.

Fitzgerald, T. *The Ideology of Religious Studies*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2000. xiv, 276 pp.

Nongbri, B. *Before Religion. A History of a Modern Concept*. New Haven; London: Yale University Press, 2013. ix, 275 pp.

Rizhskii, M. I. (tr.) Cicero, *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 382 pp. (In Russian)

Sokolov, V. S. “Istoricheskaya kontsepsiya Laktantsiya” [Lactantius the Historian], *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii* [Questions of Ancient Literature and Classical Philology], ed. by M. E. Grabar-Passek. Moscow: Nauka Publ., 1963, pp. 330–345. (In Russian)

Spada, C.A. “L’uso de religio e religiones nella polemica antipagana de Lattanzio”, *The Notion of ‘Religion’ in Comparative Research: Selected Proceedings of the XVIth Congress of the International Association for the History of Religions (Rome, 3rd–8th September, 1990)*, ed. by U. Bianchi with cooperation of F. Mora and L. Bianchi. Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1994, pp. 459–463.

Thomas, L. *Die Sapientia als Schlüsselbegriff zu den Divinae institutiones des Laktanz, mit besonderer Berücksichtigung seiner Ethik*, Diss. Freiburg: 1959. 94 S.

Tyulenev, V. M. *Laktantsii: khristianskii istorik na perekrestke epoch* [Lactantius: Christian Historian at the Crossroads of Eras]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 319 pp. (In Russian)

Tyulenev, V. M. (tr.) Lactantius, *Bozhestvennye ustanovleniya* [The Divine Institutes]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2007. 512 pp. (In Russian)

Vahlen, J. (ed.) Cicero, *De legibus*. Berolini: apud F. Vahlenum, 1883. xxiv, 208 pp.